

СВЕТЛАНА АЛЬТЕРНАТИВА

Философ Семёнова, её дела и мысли

Исполнилось 80 лет со дня рождения Светланы Семёновны, продолжательницы традиции русского космизма Н.Ф. Фёдорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского. Предлагаем вниманию читателей статью о её творчестве, а также выдержки из дневниковых записей Светланы Григорьевны. В настоящее время дневники готовятся к изданию.

КАК-ТО РАЗ МОЙ ДРУГ и однокурсник по историческому факультету Московского пединститута (МГПИ) Лёня Чулев, ныне покойный, рассказывал мне про некоего русского чудака, книжника-аскета, проповедовавшего научное воскрешение мёртвых и расселение возвращённых к жизни поколений по космическому пространству. Звучало это — в его ли устах, в моём ли восприятии — нелепо, безумно, даже пугающе и как-то мало вязалось с моими тогдашними представлениями об идеальной проблематике эпохи. "Откуда ты это взял?", — и Лёня дал мне почитать статью Светланы Семёновны о Фёдорове в историко-биографическом альманахе "Прометей". Кажется, я уже тогда почувствовал необычную энергетику в этом биографическом очерке. В нём угадывалось нечто более серьёзное, чем "инакомыслие", не приемлющее существование социального порядка. Сегодня я бы назвал это заряженностью фёдоровским этическим неприятием смерти, нравственным противлением порядку естественного-природному, космическому, на котором эхиднется и человеческое "небратство", убийство, унижение, несправедливость социальная.

Затем в серии "Философское наследие" вышел в свет знаменитый семёновский одноименный сочинений Фёдорова. Будучи уже отчасти подготовленным читателем, я оценил необычность и внутреннюю последовательность фёдоровского христианства, его самобытную историософию, его меткую критику индустриальной и потребительской цивилизации. Но, признаюсь, я тогда как-то увяз в его текстах. Я, например, не обратил внимания на статью "Музей, его смысл и назначение", но позже, работая в Музее революции (ныне Музей современной истории России), с удивлением — по сути, неоправданным — обнаружил, что Фёдорова там знают и даже почитают как единственного в своём роде философа хранения памяти, музейного дела...

Когда в ноябре 1993 года я увидел в одной из центральных библиотек объявление о лекции, или докладе, Светланы Семёно-

Автор — историк, ведущий специалист Отдела публикации архивного фонда Центрального государственного архива Москвы

вой в Музее-читальне Н.Ф. Фёдорова, мне уже были хорошо известны её статьи и книги. То, что в них говорилось, казалось мне не просто интересным в историческом плане, но вполне современным, общественно ценным, воодушевляющим — а что-то вызывало и недоумённые вопросы. Я очень обрадовался возможности их прояснить. Хотелось познакомиться и с человеком, который говорит о столь удивительных вещах, и с теми людьми, которые готовы участвовать в этих разговорах.

В библиотеке на Профсоюзной улице, в небольшой комнате, среди нескольких десятков собравшихся я увидел высокую статную женщину с прекрасным лицом, строгим и значительным, но вместе с тем живым и приветливым.

С первых же услышанных мною фраз я был захвачен энергичным и полноводным течением её речи, увлечён теми необычными картинками, которые разворачивались в ходе движения её мысли. Тембр её сильного и певучего голоса я бы сравнил со звучанием классической трубы — инструмента, способность которого передавать всю гамму человеческих чувств, кажется, недооценивают. Но уж собирающее, мобилизующее действие трубы, наконец, эсхатологические и прямо воскресительные коннотации этого слова будут здесь к месту. Что-то из того, что Семёнова говорила на собраниях фёдоровского общества, было знакомо по её печатным выступлениям. Но именно на эти собрания она обычно впервые и выносила самые свежие результаты своих исследований и размышлений. И всякий раз привычные явления, понятия, даже высказанные ранее мысли открывались в новых, подчас неожиданных ракурсах, хотя не всё услышанное бывало с ходу понято и принято мною.

Любое выступление Светланы Григорьевны перед аудиторией было явлением искусства. И, как бывает с настоящим искусством, когда оно вершится здесь и сейчас, меньше всего думается о том, какой труд этому предшествует, какие силы, какие энергии потребовалось собрать, стяжать

в себе, чтобы из фёдоровских и многих других религиозных, философских, художественных текстов в их исходном виде выплывало, выкалослось, отключилось то самородное слово, острая, меткая, точная мысль, горячая, вдохновенная проповедь.

ОСОБЫМ ДОСТИЖЕНИЕМ Семёновой, помимо её собственных книг и подготовки полного собрания сочинений Фёдорова, стало объединение, собрание вокруг себя многих людей, очень разных по роду деятельности, жизненному опыту, интересам и взглядам. Результатом стал тот факт, что фёдоровское общество оформилось и не распалось в атмосфере раздора, вражды, погони за успехом, чувственными удовольствиями у одних, уныния и апатии — у других.

Вспомнина Светлану Григорьевну, многие отмечают её не просто доброжелательное, а участливое, вдумчиво-бережное отношение к каждому, кто пришёл в фёдоровское общество, — пусть и просто в качестве отзывчивого слушателя или даже беспокойного вопрошателя. За этим стояло глубоко фёдоровское, православно-соборное понимание ценности того всегда неповторимого пути, который ведёт человека от переживания собственной и своих близких смертности к Общему делу. Само это дело может развиться, лишь включив в себя все эти поиски пути, хотя как таковое бесконечно превышает их сумму. А поскольку это и было делом жизни Семёновны, то и каждый из этих путей, всегда частных, частичных образов преодоления трагедии, подступов к общему делу, — был её собственным достижением, расширением её личности. Но ведь то же самое может сказать и любой из активных участников общества. И в каждом из нас — в нашем понимании идеала и путей его воплощения — навсегда останется доля мысли, души, личности самой Светланы Григорьевны.

Ко времени, когда я оказался в кругу фёдоровцев, общественные условия разработки и распространения активно-эволюционного мировоззрения, как было сказано, очень изменились. В девятые годы возможности высказаться, обсудить, опубликовать мысль стало, в общем, больше, чем прежде, чем и следовало по максимуму пользоваться, но вот сам спрос на философию и метафизику начал заметно падать. Сказывалось — и чем дальше, тем явственнее — оскудение, умирание той масштабной практики, которая создавала потреб-

ность в активно-эволюционном мышлении. Усыхание того социального слоя, той культуры и образа жизни, где слово сохраняло своё высокое значение.

На первый план работы только что учреждённого Общества имени Николая Фёдорова выдвигались задачи собрания в условиях распада, восхождения навстречу обвалу, сопротивления деградации: человеческой и культурной. Всё это начиналось с поддержания высокого уровня мышления, обсуждений в самом Обществе, что требовало огромного труда, терпения, усилий, не всегда сулящих непосредственный успех. И всё это, наряду со своими учёными трудами, несла на себе Светлана Григорьевна.

Что касается меня, то здесь я нашёл больше, чем ожидал. Благодаря С.Г. Семёновой, А.Г. Гачевой и целому ряду близких к обществу исследователей и общественных деятелей мне посчастливилось проникнуть в глубины мысли Фёдорова и других выдающихся русских философов, богословов, учёных, писателей; узнать, понять, переосмыслить огромные пласты мировой и русской культуры, общественного мысли, выработать собственное отношение ко многим явлениям современной жизни. Это неоценимо много дало мне и в общественно-мировоззренческом, и в узкопрофессиональном плане как историку и музейному работнику.

Светлана Григорьевна очень серьёзно отнеслась ко мне и моему интересу к социокультурной генетике русского коммунизма и "советизма". Её взгляд на революцию и советскую эпоху был гораздо более критическим, чем у меня. На революционный, насильственный путь решения социальных проблем, на человекобожеский прометеизм советских утилистов 1920-х годов она смотрела с высоты фёдоровского христианского идеала.

Кажется, Светлану Григорьевну огорчало, что мои рассуждения и выступления редко откликаются в форму текстов. "У вас есть свой собственный взгляд на вещи — пишите, пишите!" — говорила она мне. Не помню, что именно я бормотал в своё оправдание (а что скажешь, если внятно изложить собственное понимание мне удаётся обычно ценой таких затрат времени, которые профессионально пишущие позволить себе не могут). Призывая писать, она имела в виду не только необходимость неустанной работы, но и определённый характер её — обязательное присутствие там некоего верхнего регистра. "Записывайте"

Фёдоров выявил природно-душевно-логические корни (космо-психо-логос, используя выражение Гачева) самой генетики и энтелихии русского космизма. Вот одно из его высказываний, наиболее известное: "Ширь русской земли способствует образованию подобных характеров: наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового попрца для великого подвига..."

21 декабря 2000 г.

Что век грядущий нам готовит? (Просили ответить на этот вопрос в некоем журнальном коллективном опросе).

Все мы, кто сейчас в этой рубрике пытается прорезать в себе великий взор Кассандры в обзоре века грядущего во всей его протяжённости, со всеми возможными неожиданностями, никак уж этого не увидят и не переживут. Уж очень разнятся короткое дыхание смертного и долгота исторического времени. Расширять на будущее тенденции и явления настоящего дело обычно проигрышное: не учитывается при этом неожиданность творчества человеческого, что вдруг или не вдруг выходит на ошеломительные результаты. Что нам пророчит работа со словоповыми клетками или клонирование? Факт, что английский парламент от-

Самостоянные части сбросили с себя узду целого, единого организма и бьются в пароксизмах войны всех против всех. Развалилась система элементарного жизнеобеспечения, маячат ужасные хари голода, холода, озверения. И всё — из "благородных" интеллигентских идей свободы, прав человека, из увлечения, совершенно некритического, западными, американскими идеалами и стандартами. И хлынул на нас канализационный слив их массовой "культуры", т.е. сознательно и бессознательно направленной бестиялизации человека. На краяхах только о вампирах, о совершенных убийцах, о распутстве и безысходности... Видите ли, отбросили как "насилие" и "соц. реализм" идею воспитания человека, как будто в том, что преподносится, нет запрограммированного, жестокого воспитания из него зверя, наслаждающегося и беспощадного...

15 сентября 1997 г.

Казютинский пригласил выступить на симпозиуме "К.Э. Циолковский, современный антропокосмизм и будущее человечества"... Пройдётся самым сжатым образом по вопросу симпозиума, понимаешь: надо тут же выплукло представить наш, активно-эволюционный,

Светлана Семёнова: «В ПОЛЕ БОЛЬШОЙ НАДЕЖДЫ...»

ноосферный подход. Он резко, крайне резко контрастирует с наиболее распространённым кругом нынешних идей для переустройства мира: тут все говорят о минимальной хотя бы надежде остановиться в безумной индустриально-потребительской гонке, опамяться, сократить численно, ужаться, по одежде протягивать ножи, вернуться к какой-то прежней гармонии с природой, хотя бы до остро кризисного сегодняшнего положения и так потихоньку, в некоем меостатическом выжить. А тут, напротив, не выживание, а восхождение, умножение населения, да ещё и победа над смертью, а христианский космизм в лице Фёдорова говорит ещё и о восстановлении всех когда-либо живших. Да, это представляется чистой фантазией и безумием — но только в плоскости этого, нынешнего, фундаментального выбора и уклада, их логики.

А вот с другой, активно-эволюционной, активно-христианской логики, её ценностных постулатов всё выглядит совсем наоборот. Начнём с глобальных кризисов, они хорошо известны: экологический, демографический, национальный... Но причина у них одна: состояние самого человека. И самый фундаментальный кризис сейчас — кризис антропологический. Активно-эволюционная мысль стоит на видении восходящего характера эволюции, на цефализации, росте духа в лоне материи. Для неё заклинивание человека в его нынешнем несовершенном-смертном статусе чревато самоуничтожением. Смерть — глубочайшая причина зла в человеческой природе. Если уж привлекать антропный принцип, то причина дискорреляции, кризиса как раз в том, что человек берётся покорять окружающий мир, не трогая самого себя. Регуляция должна и может бескризисно идти только в обе стороны. Технический прогресс — не абсолютный путь прогресса, а только его начало, первая грубая примерка будущих, принадлежащих самому организму, новых, усовершенствованных органов и способов их функционирования. Именно к типу не технического, а организмического прогресса принадлежит такие идеи русского космизма, как фёдоровская психофизиологическая регуляция, преобразованное воскрешение, будущая автотрофность человечества у Вернадского ("Уже в растении солнечная энергия перешла в такую форму, которая создаёт потенциально бессмертный организм, не уменьшающий, а увеличивающий энергию исходного солнечного луча"). Вернадский же говорил о таких ноосферных задачах, как продление жизни, чему пределы не могут и не должны быть поставлены...

По дороге из ЦГАЛИ, конец ноября 1981 года.

Как-то я продумывала один из зачинов разговора о Фёдорове. Утопия, говорите, утопист... Пусть, примем для начала, но были ли такие утописты когда-либо в истории человечества: промечтать, промыслить, начать проектировать как конкретное дело предел Блага, Идеал, какого ещё не было ни в одной религии. Догматически утверждённый христианский Бог не предполагал спасения всех, а лишь малой горсти рода людского. А чем виноваты поколения некрещённых язычников, в христианских уже веках отмеченные наследственным злым роком, обстоятельствами рождения, воспитания, обучения, наконец, своей помещённостью в другой, нехристианский регион и т.д.?

И ещё, фёдоровское требование всеобщего, без всякого изъятия, воскрешения, преобразования, спасения умерших и всех, не прошедших через смерть, ставших деятелями осуществляющегося воскресительного процесса, впервые реально ввело личностный принцип как высший: раз всех воскресить и спасти, значит решительно за всеми признаётся уникальная личностная, особенная ценность. Всякий другой подход — дефектен и анти-личностен. Какой может быть отбор, кто может снаружи, внешне, зная личность другого?...

22 июля 1990 г.

Предварение воскресительного очищения и преобразования нам дано уже сейчас в опыте памяти о прошлом, которое всегда встаёт в своём идеализированном виде, очищенном от своих теней, обидыциний, скуки, несовершенства. Как писал, высказывая близкую мысль, Бердяев в работе "Человек и машина": "Мы любим лишь прошлое, приобщённое к вечности... Потому возврата к прошлому нет, и его нельзя желать. Мы можем хотеть лишь возврата к вечному прошлому, но это вечное выделено нами в преобразующем творческом акте, освобождено от своей тьмы..."

23 января 1992 г.

Разговоры за столом — всё больше о России, о нынешнем моменте. Мы с Гшей, как выражается Лара, стали "большими реакционерами", поняли, что в очередной раз интеллигенция верврга страну и народ в пучину погibelи: страна распалась, отваливается кусками, в тканях её безумствует, разлагая их, микроб розни, эгоизма и злобных счётов.

вайте ваши мысли. Пишите обо всём, что вас волнует", — настаивала она. Меня улекала хорошо разработанная в западной социологии методология выявления путей спасения души, то есть способов преодоления трагедии индивидуальной конечности как фактора мобилизации социальных энергий. По-моему, Светлана Григорьевна считала, что само по себе прикладывание к русской исторической и культурной действительности всё новых (на самом деле старых, давно изобретённых) сеток координат, "аршинов общих", обрекает на пробуксовку. А продуктивное творчество начинается лишь после того, как ты решительно двинешься нехоженными "тропами сердечной мысли" (название её итоговой книги), где только и происходит встреча с Истиной, с Богом, — хотя даются такие встречи нелёгко. Если на этом уровне ты всё продумаешь, прямо выскажешь до конца и поймёшь, зачем тебе лично это нужно, тогда возникнет настоящая тяга, огонь разгорится, и машина наберёт обороты. О дневниках Семёновны, которые были частично опубликованы в её последней книге, в то время я ничего не знал.

СО ДНЯ КОНЧИНЫ Светланы Григорьевны минуло уже больше шести лет. События этих бурных, трагических для целых народов лет исполнены огромного значения. Они засвидетельствовали окончательный провал того проекта глобального мироустройства, ради осуществления которого и произошёл Великий Отказ от поисков антропологического и цивилизационного альтернативы. И это значит,

что поиски гуманистической формулы этой альтернативы вновь неизбежно выдвинутся в актуальную повестку дня.

В сфере идей — да уже и в политике! — сегодня всё заметнее попытки "отыграть назад", от глобализации к новоярпейской классике, к Проекту Модерн (часто в его консервативных вариантах), к его политической философии суверенного государства, к его образу человека. В сложившейся ситуации это можно поприветствовать. Но сами по себе эти подвиги едва ли могут в полной мере противостоять нынешнему разгулу разрушительных сил, пока "экономический рост", основанный на раскручивании маховика человеческих потребностей, по-прежнему будет считаться верным путём к благополучию народов. Быть может, самое ценное — но пока не самое заметное — в происходящем состоит в новом осознании высокого призвания человека, в новом обращении к Личности, к Мысли, к Слову, к Логосу. К полноценной критической рефлексии проекта "Человек" и нацупыванию его пределов и драматических развилок.

Всё это означает, что время Семёновой — впереди, и оно уже близко. Но оно не наступит само собой, приближать его придётся нам — уже без её участия. Это упорное прорращивание и неуклонное прорастание в мире мысли и дела Светланы Григорьевны Семёновной будет и началом её возвращения.

Александр БАЛАКИРЕВ

Печатаются в сокращении, полный текст — на сайте zavtra.ru

культура (телевидение, кино, журналистика), ведущая почти к равнодушному принятию несчастий и смерти других. Собственно, когда такого не было? Полное удешевление человека в эпохи революций и войн (ярко — ближайший к нам, почти весь XX век); впрочем, куда ни кинь, вразброс и наугад: какие европейские масштаба кровопускания в Средневековье, а геноцид аборигенов белыми колонизаторами в Америке и т.д. и т.п. Разве что вторая половина XIX века несколько поспокойнее... Смигаются ли нравы в ходе истории? С одной стороны, да, с другой — такие выплески жестокости. Главнейший корень её — смертность — остаётся.

Похуже, иссякает любовь, главное противосмертное орудие — иссушение религиозных источников в человечестве. Так что надежда на то, что должен мощно забить пока подзабытый ещё источник религиозного, активно-христианского творчества и объединит он в себе все сущностные силы человека — веру, науку, технику, искусство — ввиду преобразовательной онтологической практики...

20 июля 2005 г.

Народ — понятие не только историческое, биологическое, культурное, но и метафизическое. Оно включает и свой идеально-должный образ, который всегда формируется его лучшими сынами и дочерьми, и родовую толщу ушедших поколений, оставляющих нам и национальные черты характера, и государственно-исторические завоевания, и культурное наследие, и материальные достижения... Наша народная и индивидуальная жизнь стоит на жизни, на жертве ушедших... О народе нельзя судить по одному, вот сейчас живущему поколению, нынешним ценностям и стандартам, периоду национальной деградации, приходя от того, что есть, в радикальное уныние и безнадёжность. И это поколение сойдёт в ту же толщу со своими пусть главным образом отрицательными уроками и жертвами, но и обязательно со своим вкладом в грядущее, его всегда имеющихся несовершенных, несовершенных, странных людей, незаметно, бесшумно творивших для такой будущей генерации, которая, наконец, обернётся с высот полного религиозного сознания на эту толщу для её восстановления и преобразования. Причём, возможно, уже генерации, перешагнувшей народные, национальные границы и обнимающей всю единую планету-мать.

19 ноября 2007 г.

Высшая ценность личности, центральная для христианства, порождается фундаментальным фактом соотнесённости идеи Личного Бога с человеком. Бездонность, потенция бесконечного

развития его личности определяется тем, что в своих глубинах она связана с Личным Творцом (образ и подобие). Тут — основа христианской антропологии. А идеальный Троичный "коллектив" соответствует как высший образец человеческого родовому множеству.

Человек в таком кризисе сейчас, в таких редких экзессах патологической деструктивности (эпидемия расстрелов товарищей в школе с последующим самоустранением) — в силу явного разрыва этой связи. Нынешний фундаментальный выбор стоит на идее, что человек есть таков, каков он есть, никто не помышляет о качественном превозмощении его противоречивой, иррациональной, раздираемой импульсами взаимной борьбы, соперничества, розни, смертной природы, влекущей мир и себя к концу своим самодовольно горделивым и эгоистическим господством на Земле... (Впрочем, и Земля, и космос — всё не вечно, всё прейдёт в тисках закона энтропии, тепловой смерти...) Легко власть в скепсис, презрение, отчаяние, нигилизм перед лицом такого существа! А если, как Фёдоров, увидеть в нём таком лишь этап "несовершенности", незрелости, не финал, а этап. Вот наблюдаем мы буйного, радикального подростка, которого бросает из крайности в крайности: в протест и революцию или в прожигание жизни, изнуряющую погону за удовольствиями на опасной грани самоуничтожения и лёгкой податливости к уничтожению других, и решаем — вот каков он, человек! А ведь ещё может выйти из него вполне сбалансированный, спокойный отец семейства, ответственный гражданин, мастер избранного дела... Предлагаемое Фёдоровым понимание, что род людской ещё в состоянии несовершенности, меняет перспективу видения вещей, рождая к нему отношение более снисходительное, с элементом надежды...

Необходимость принципиально нового типа воспитания и образования с доминантой на добро, постановкой высшей цели, приоритетом должного, благобытия, открытием спасительной онтологической перспективы. Воспитывать бытийственный оптимизм, вкус к жизни — его культивировать и разжигать, к нему тянуться. Эгоистическое вытеснение ближнего, бесплодная взаимная борьба, разочарование и уныние, "сатанистские" выверты и так неужеримко прут из смертного человека. А вот выбирать, выскрёбываться из своей нуносы природы можно, только потесняя права смерти. Поначалу не пугать, а ободрять (пугать и страшать подростка — вгонять его в демонизм!), воспитывать в мысли о реальной возможности благого исхода... Развязать силы создания можно только в поле Большой Надежды...

18 июля 2004 г.

Одна из примет нашей эпохи: отвердение сердец — на это работает массовая